

Примадонна Веч. кнч. - 1995. - 2/наш. - с. 2

Секреты и подарки Майи Плисецкой

Три балетных века царят она на сцене и по-прежнему никогда не повторяется

Звезда, признанная и окруженная поклонниками различных азимутов", она больше, чем миф или символ. Выступления в Мадриде, презентация ее книги "Я, Майя Плисецкая..." в Германии и Франции, участие в фестивале в ее честь в Финляндии, работа с хореографом Джиджи Качуляну, гастроли с труппой Мориса Бежара в Париже, где она с Патриком Дюпоном станцевала премьеру — балет "Курозука", — так открыла Майя Плисецкая свой юбилейный сезон 1995 — 1996, в таком режиме она живет сегодня. Юбилей Майя Плисецкая будет отмечать в Москве 28 ноября в Большом. Приедут все лауреаты конкурса "Майя", чтобы выступить в ее честь. Сама Плисецкая исполнит коронные номера — миниатюру "Лебедь" и балет "Айседора". Она никогда не повторяется, а потому, как всегда, преподнесет нам сюрпризы. Один из них — балет Бежара "Курозука". Другие она пока держит в секрете.

Несколько слов о Майе, не претендующих на объективность, сказал известный театральный художник Борис Мессерер.

Я всю жизнь нахожусь под обаянием ее таланта. Видел сотни ее спектаклей, и мне всегда казалось, что она — шедевр Господа Бога.

У нас была большая семья. Асаф Мессерер, мой отец, и Рашиль Мессерер, мать Майи, — родные брат и сестра. Вообще в этой генерации многие путаются. Следовало бы нарисовать генеалогическое дерево, чтобы в этом разобраться... В семье

было немало известных людей — журналистов, режиссеров, множество имен в артистическом мире. К ним можно отнести и Суламифь Мессерер — сестру Рашили и Асафа. Многие кончили трагически — в лагерях, на войне... Это семья, испытавшая все тяготы сталинского режима, но в основном сохранившаяся... Отца Майи я не помню. Он был расстрелян в лагере. Совсем недавно мы

прочли эти страшные, душераздирающие документы НКВД... Я помню, как арестовывали мать Плисецкой, Рашиль. В кино у нее был псевдоним Ра Мессерер. За нее пришли как за женой врага народа, когда Майя и ее брат Александр были в Большом театре на спектакле. В те годы, когда был посажен и расстрелян отец Майи, жена врага народа подлежала преследованиям, а дети зачастую направлялись в детские дома, им меняли фамилии, и они потом не могли найти родителей. Люди этого очень боялись. Поэтому все родственники, которые были на свободе, бросились к Большому театру — ловить детей на выходе у всех подъездов. Это было тридцать восемь год. Майе было тогда тринадцать лет, Алику — восемь. Майю взяла на воспитание Суламифь Мессерер — знаменитая артистка балета. А Алик воспитывалась вместе со мной. Он мой друг и брат.

Майя имела фантастический успех у российского зрителя. За нее болели, как за "Спартак". Я помню, как, кажется, в 56-м году российский балет впервые должен был выехать на Запад — в Англию. Все готовились к этому — была масса разговоров, страна была закрыта, еще был "железный занавес"...

Люди мечтали оказаться на Западе, власть этому противилась. Составлялись списки, проверялись люди, выяснялись подробности биографий... Английская сторона требовала рекламы. Им давались сведения, которые страшно цензурировались... Кончилось все скандалом. Алику — Александру Плисецкому — КГБ отказал в разрешении на поездку. Считалось, что родственники не должны ездить вместе. Он страшно переживал. Он имел полное право быть в составе этой группы; он был талантливый человек, был занят в ряде спектаклей... Майя заступилась за него. Написала на имя тогдашнего директора театра резкую записку: мол, если вам не подходит Алик, может, я вам тоже не подхожу? Из этого тут же раздули дело и остались в Москве обоих. Это был грандиозный международный скандал — на Майю уже была дана реклама, ее ждали, она была звездой. Но Майя не была устранена из репертуара Большого театра в это время. Она танцевала "Лебединое озеро" в Москве, несмотря на продолжающийся международный скандал. Я помню фантастическую реакцию публики, которая очень точно ощущала ситуацию, — с момента выхода Плисецкой весь второй акт

шел под непрекращающиеся ни на секунду аплодисменты. Это был фантастический знак человеческой солидарности и признания таланта. И я не знаю такого успеха у кого бы то ни было еще, когда ни на секунду не прекращались аплодисменты в течение всего выступления. Так публика выражала протест против позиции властей и восхищение перед талантом актрисы.

Недавно Майя написала удивительную книгу, которой от нее никто не ждал. Она советовалась со мной, спрашивала, с кем из литераторов ей связаться, кто мог бы помочь ей осуществить эту работу. А потом последовала совету Галины Вишневской и написала ее сама. Книга получила успех огромный. И справедливо — написана ярко, с точнейшими деталями, очень мудро. Чего стоит фраза "У Улановой была замечательно воспитанная ступня!" Это ведь грандиозный образ!! И кстати, она очень тепло отзывается об Улановой. Впрочем, Галину Сергеевну нельзя не хвалить — она всегда восхищала меня. Я к ней вообще неравнодушен... Она великая женщина! Отношения Плисецкой и Улановой более сложные. Их всегда сталкивали любами, их исторически вводили в конфликт, а им надо было

выпутаться из этой ситуации. В прямом конфликте они не состояли, но обострение страстей в театре неминуемо, и результатом всего стали антагонистические отношения Майи и Григоровича. Я не могу быть судьей в этом споре. Кто прав, кто виноват — нет возможности разобраться. Как говорит Белла Ахмадулина: "Из великих людей гарнитура не соста-вишь". И я восхищаюсь Григоровичем. А Майю просто люблю...

У нее непростой характер. Для нее главное в жизни — Искусство. Все остальные отношения для нее ничего не значит. Она способна внезапно изменить все свои планы и планы всех связанных с ней людей, если ее увлечет идея. Так было в Испании, когда ей предложили сделать спектакль "Мария Стюарт". Майя отменила все намеченные гастроли, чем шокировала прагматичных западных менеджеров. С их точки зрения это был безумный поступок. Я восхищаюсь Родионом Щедриным, который несет на себе груз человеческих отношений с этой великой, безумной, изумительной женщиной и абсолютно успешен в этом.

Мы с Майей сделали вместе один спектакль — "Кармен-сюита" Бизе —

Щедрина. Естествен вопрос — почему всего один спектакль за всю жизнь? Театр — это мучительное дело. Отношения на театре складываются причудливо, основаны на каких-то странных взаимовлияниях, взаимоотношениях... Редчайшие примеры, когда два художника работают в течение многих лет душа в душу. Любимов и Боровский, Григорович и Вирсаладзе, но это скорее исключения... Мы сделали с Майей только один совместный спектакль, но я счастлив, что это была именно "Кармен-сюита". Мне кажется, образ Кармен — это образ самой Майи, эмоциональной, непосредственной. Появление ее на сцене всегда поражает. Когда она сидит на табурете, оперев руку на колено, отставив ногу в "Кармен-сюите" и следит за действиями тореадора в каком-то безумном порыве, у меня всегда бегут мурашки по коже, а Белла — Белла Ахмадулина плачет. Она редко плачет и говорит, что для слез есть только один повод — Искусство.

Записала
Наталья ЛОГИНОВА.
(Журнал
"Обозреватель").
Фото
Александра АБАЗЫ.